

Цзян Ехун, густо краснея, сердито зыркнул на спутника:

— Вовсе нет!

Жун Жо поспешно отдернул руку и замер, словно напроказничавший ребенок, ожидающий взбучки. Он выглядел настолько жалко и затравленно, что Цзян Ехун невольно начал копаться в себе: не слишком ли грубо он обошелся с парнем? Может, напугал беднягу невзначай?

— Ладно тебе, не бери в голову. Ты же знаешь, я иногда бываю... шумным. Пойдем, надо поскорее спускаться. Глаза бы мои эти храмы не видели, одна головная боль от них. Идем, идем.

Цзян Ехун снова взял Жун Жо за руку и потянул за собой. В голове, впрочем, тут же зашевелились сомнения: «А прилично ли это? Вдруг он решит, что я какой-то проходимец и пользуюсь случаем?» Но раз уж взял — отпускать было как-то неловко, вдруг тот подумает, что Цзян им брезгует? Да и сам тот, кажется, не спешил высвободиться.

Цзян Ехун украдкой глянул на него — вроде всё спокойно. Прочистив горло, он пробормотал:

— А ступени на Чуншань подлиннее будут, чем казалось... Да и круто тут как-то. Когда поднимались, вроде ничего было, а вниз идти — того и гляди шею сломаешь.

— Да, спуск крутой, — покорно отозвался Жун Жо. — Если не поддерживать друг друга, можно ненароком и кубарем покатиться.

Цзян Ехун тут же ухватился за это:

— Вот именно! Так что ты... это... держись за меня покрепче.

Жун Жо, едва заметно улыбнувшись, послушно вцепился в локоть Цзяна. На самом деле тропа была настолько узкой, что идти вдвоем под ручку было крайне неудобно, и двигались они черепашьим шагом.

Спуск занял больше часа. Вернувшись в город, они сразу направились в ямь. Цзян Ехун едва успел поднести пиалу с водой к губам, как внезапный зычный рык Чжао Чэня заставил его вздрогнуть. Вода плеснула прямо на одежду.

— Лао Чжао, полегче! — рявкнул Цзян. — Я еще не оглох!

— Прости, глава Чу, — Чжао Чэнь виновато почесал затылок. — Я тут разузнал кое-что. В тот день, когда У Сяомэн ушла из дома, её видели на улице Чунмин.

Цзян Ехун задумался.

— Улица Чунмин? Та улица почти заброшена, там и днем-то редко кого встретишь. Зачем девчонке туда понадобилось?

Чжао Чэнь развел руками:

— Понятия не имею. Я сам там кругалю дал — ничего подозрительного. В те края добрые люди без нужды не суются. С тех пор как семь лет назад там бушевала чума, место считается проклятым. Говорят, по ночам там до сих пор тени неприкаянные бродят. Вот буквально позавчера одного ночного сторожа так перепугало, что он до сих пор с постели подняться не может.

Жун Жо тем временем разбирал стопку старых архивов. Император после дела в деревне Девяти Семей приказал пересмотреть все висяки, так что работы у Люшаньмэнь прибавилось.

Наткнувшись на свиток семилетней давности, Жун Жо развернул его. Это было дело медицинской лавки семьи Гу.

— Брат Чжао, — позвал он, — на улице Чунмин ведь находится Медицинская лавка семьи Гу, верно?

— Ну да, — отозвался тот, но тут же помрачнел. — Как раз после той чумы она и...

Чжао Чэнь осекся. Цзян Ехун ободряюще хлопнул его по плечу:

— Редко увидишь, как ты слова подбираешь. Рассказывай, что там за история с этой чумой и Медицинской лавкой семьи Гу?

Чжао Чэнь тяжело вздохнул. Было видно, что ворошить это прошлое ему неприятно.

— Эх, не люблю я об этом вспоминать. Семь лет назад на улице Чунмин нашли нищего, он без чувств лежал. Люди — народ-то у нас сердобольный — отнесли его в Медицинскую лавку семьи Гу. Доктор Гу, как глянул, сразу понял: дело дрянь, чума. Велел тело немедля сжечь, да только поздно было. Зараза уже пошла по рукам. Сначала те, кто нищего нес, слегли, потом их семьи, соседи... Вся улица Чунмин запылала. Никто не ожидал, что зараза расползется так быстро. Чтобы спасти столицу, власти оцепили улицу наглухо. Лекарства подвозили, конечно, но люди мерли как мухи.

Цзян Ехун, сам переживший в детстве поветрие, не понаслышке знал этот ужас.

— И что было дальше?

— А дальше... — Чжао Чэнь горько усмехнулся. — Доктор Гу из Медицинской лавки семьи Гу, не жалея себя, метался между больными, пытался спасти каждого. И надо же было такому случиться... обезумевшие от горя и страха люди решили найти виноватых. Сначала набросились на тех, кто притащил нищего, а потом и на доктора Гу — мол, «распустил свою доброту, вот мы все и подыхаем». Безумие, чистое безумие. Те, кого болезнь еще не свалила, ворвались в дома соседей, не щадя ни стариков, ни детей. А в Медицинской лавке семьи Гу... эх... они убили жену доктора и его дочку, ей всего восемь было. Сам доктор в тот час ушел лекарства разносить, а когда вернулся...

Чжао Чэнь замолчал, качая головой. Цзян Ехун сжал кулаки:

— И никто не вмешался?!

— Как вмешаться? Улица в оцеплении, никто внутрь соваться не хотел — страшно заразиться. А когда медицинская лавка семьи Гу нашла верный рецепт от заразы и всё закончилось, те, кто затеял погром, либо сами перемерли, либо концы в воду спрятали. Доктор Гу подавал жалобу в ямэнь, да только правды не нашел — состава преступления, мол, нет. В итоге он рассудком тронулся. Одной ночью запалил Медицинскую лавку семьи Гу, а сам в петлю залез.

Цзян Ехун с силой грохнул кулаком по столу:

— Что за несправедливость!

— Вот именно, — удрученно подтвердил Чжао Чэнь. — Добрые дела боком вышли. Доктор Гу ведь бедняков даром лечил, лекарства сам раздавал. Говорят — «за добро воздастся», да только небеса, видать, в тот раз глаза закрыли.

Жун Жо свернул свиток.

— В лихую годину — будь то голод или мор — из людей лезет всё самое гнилое. Раз У Сяомэн видели на улице Чунмин, надо идти туда. Хоть улица и заброшена, кто-то там всё же живет.

Чжао Чэнь замялся:

— А-Жо, ты не понимаешь. Вся столица это место десятой дорогой обходит. Мало того, что чума была и призраками пугают, так еще и слава у местных дурная — за их неблагодарность. Ловчие туда идти не хотят, отнекиваются как могут.

Цзян Ехун закипел:

— Хотят они или нет — мы на службе! Человек пропал, и след ведет на улицу Чунмин, значит, будем копать. Собирай всех, идем с обыском.

— Старший брат Чу, я с вами, — подал голос Жун Жо.

Парень следовал за ним как верный хвостик, и Цзяну это, по правде говоря, нравилось — по крайней мере, в топографии Жун Жо разбирался куда лучше.

— Идем.

На улице стоял погожий солнечный день, шумела толпа, но стоило им свернуть на улицу Чунмин, как воздух словно похолодел. Длинная, пустынная улица встретила их гробовой тишиной. Ни единой живой души, окна и двери домов заколочены или плотно закрыты. Казалось, жизнь навсегда покинула это место.

— Разделитесь, — скомандовал Цзян Ехун стражникам. — Опросите каждый дом, если там кто-то есть. А мы с А-Жо заглянем в ту самую Медицинскую лавку семьи Гу.

Жун Жо кивнул и последовал за ним.

Медицинская лавка семьи Гу пустовала семь лет. Внутри еще валялись гнилые плетеные корзины и обломки деревянных стеллажей. Едва переступив порог, Цзян Ехун почувствовал липкий холодок — память о черной неблагодарности, пропитавшей эти стены, давила на плечи.

— Лавка немаленькая, — заметил он. — Впереди была приемная, а за ней, видать, жилые покои доктора. Пошли глянем.

— Мяу! — из угла внезапно выскочил черный кот, заставив Цзяна едва не подпрыгнуть. — Пшел отсюда! Ну и зверюга, злой какой.

Жун Жо присел, провожая взглядом кота, нырнувшего в дыру в стене.

— Дикае коты всегда такие. Идемте на задний двор.

Они прошли вглубь. Двери и окна в жилой части обветшали, но были целы. Жун Жо толкнул дверь в спальню.

— Брат Чжао говорил, что доктор поджег Медицинскую лавку семьи Гу перед тем, как повеситься. Видать, огонь дошел только до передней части. Тут всё нетронуто, даже мебель на местах.

Цзян Ехун поморщился от тяжелого запаха плесени и густой пыли.

— Переднюю залу от комнат отделяет переход, пламя просто не перекинулось. Судя по всему,

доктор Гу был человеком не бедным.

Жун Жо провел пальцем по круглому столу, оставляя четкий след в серой пыли.

— Семья Гу занималась медициной в нескольких поколениях. Император даже пожаловал им табличку «За бескорыстие и помощь миру». Достаток у них был, да только счастья не принес...

Вдруг Цзян Ехун почувствовал на себе чей-то взгляд. Он резко обернулся и вздрогнул: неподалеку, опираясь на клюку, стоял старик и злобно смотрел на них.

— Дедуля, вы чего так бесшумно подкрадываетесь?! У меня чуть сердце не выскочило.

Старик прихрамывая подошел ближе:

— Что тут забыли люди из ямэня?

— Дедушка, мы человека ищем, — Цзян прижал руку к груди, пытаясь успокоить пульс. — Не видели ли вы здесь девчонку? Высокая, худенькая, в фиолетовом платье.

— Печенку? — старик приставил руку к уху и гаркнул так, что заложило уши. — Какую еще печенку? Мы тут ливером не торгуем! Что за мода пошла у стражи по медицинским лавкам потроха искать?

Цзян закатил глаза. Опять глухой.

— Дедушка! — проорал он во всю глотку. — Мы девчонку ищем! Дев-чон-ку! Не видели ли вы здесь молодую особу?!

Старик окинул Цзян Ехуна подозрительным взглядом, в котором читалось явное презрение.

— За девками в бордель ходят, малый. А тут только призраки женские водятся. Эх, такой с виду справный молодец, а в голове один блуд. Шел бы ты отсюда, не то все деньги на девок спустишь, на жену не останется.

Цзян лишился дара речи. Жун Жо, едва сдерживая смех, вмешался:

— Почтенный старец, мы ищем пропавшую барышню.

Он достал из-за пазухи портрет У Сяомэн и указал на него. Он прищурился, вглядываясь в рисунок.

— Эта-то? Была здесь. Позавчера.

Цзян и Жун переглянулись.

— В какое время она приходила? — быстро спросил Жун Жо.

— На закате, — припомнил старик. — Стояла вон там, прямо где я сейчас.

— И куда она потом делась?

Старик покачал головой:

— В Медицинскую лавку семьи Гу редко кто забредает. Я удивился, что молодая девица сюда пришла, потому и приметил. Глянул на неё, да и пошел своей дорогой.

Цзян в расстройстве присел на каменные ступени.

— И на кой черт У Сяомэн понадобилось приходиться в заброшенную Медицинскую лавку семьи Гу?

Старик, наострив уши, уловил имя:

— У Сяомэн? Это дочка У Хуэйюнь, что ли? Тьфу! Мать её та еще стерва была. Она ведь тоже раньше на нашей улице жила, так через день в Медицинскую лавку семьи Гу шастала. Ох и наглая была баба.

Цзян почуял за этими словами старую сплетню.

— «Через день шастала»? Это вы о чем?

Старик скривился, лицо его стало еще более брезгливым:

— У Хуэйюнь в молодости была заносчивой донельзя, всех женихов в округе перебраковала, так в девках и засиделась. А потом в Медицинскую лавку семьи Гу приехал брат доктора Гу, Гу Цзицы. Он в столицу на экзамены прибыл, ну и поселился у брата. Ох и хорош был парень! Белолицый, статью вышел — вылитый вот этот ваш нежный господинчик, — старик ткнул пальцем в сторону Жун Жо. — Так эта У Хуэйюнь на него и запала. Вырядится как павлин и бегают в Медицинскую лавку семьи Гу под каждым предлогом. Да только зря — у Гу Цзицы уже невеста была обещана. Он её и слушать не хотел. Ух она тогда и бесновалась от злости...

<http://bllate.org/book/17428/1660021>